

239
148

От т. Ежова

СОВ. СЕКРЕТНО.

РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

Направляю адресованное Вам заявление К. РАДЕКА
от 16-го ноября 1936 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С О Ю З А С С Р

(Е Ж О В)

"1" ноября 1936 г.

№ 58813

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У

1. Посылаю Вам заявление, разбирающее все противоречия судебного следствия, направленного против меня и указывающее на провокацию МРАЧКОВСКОГО, как источник всего обвинения против меня.

Следственные власти уже не способны подойти критически к материалу ими собранному.

Умоляю Политбюро поручить пересмотр всего материала и допросить меня подробно.

2. Следственные власти сообщили меня, что хотя нет юридических доказательств участия моей жены Р.М.РАДЕК в моих преступлениях, но в виду того, что моим заверениям о ее безвинности верить нельзя, она будет арестована. Я не могу помочь моей жене, я извещаю /как это сделал в письме от 22/УШ/ Вас, что ввиду того, что никакой коммунист не возьмет в свое попечение ребенка, человека обвиненного, а тем более осужденного за терроризм, я попросил сестру моей жены Елену ЛАУЭР, беспартийную и режиссера Маргариту БАРСКУЮ /Герцена, 47/ оказать помощь моей дочери Соне РАДЕК. Прошу Вас, чтобы этих людей, взявших на себя в таких тяжелых условиях бремя человеческой помощи, не преследовали: ни БАРСКАЯ, ни ЛАУЭР не могли-бы ничего знать о моих преступлениях, даже если бы я был виновен.

3. Спасение мое в ваших руках. Только вы можете критическим пересмотром всего материала дать другое нап-

равление делу. Если этого не сделаете я погибну верный
партии до последнего издыхания. Прошу Вас, если считаете,
что хотя год в моей жизни был посвящен делу освобождения
рабочего класса, разрешите мне перед расстрелом простить-
ся с женой и ребенком.

Карл РАДЕК

Внутренняя тюрьма
16.XI-36г.

Приложение: заяв-
ление тов. Сталину
в 45 страниц.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП/б/ -

ТОВ. С Т А Л И Н У

К.Б. РАДЕКА

З А Я В Л Е Н И Е

Арестованный 17-1Х и исключенный из партии 7-Х /узнал об этом только 20-Х/ я не обращался к Вам, ибо: 1/ ошарашенный дождем самых фантастических обвинений, не мог схватить их руководящей нити, 2/ ожидал, что само следствие распутает клубок противоречий и придет к убеждению о моей невинности.

Сообщенные мне в последние дни показания С.В.МРАЧКОВСКОГО и Ю.Л.ПЯТАКОВА, или точнее говоря куски этих показаний открыли мне хотя бы часть действительной картины возникновения чудовищного обвинения. Одновременно мне стало ясным, что следственные власти не способны обратить внимания на самые вопиющие противоречия показаний и на факты, говорящие в мою пользу. Поэтому обращаюсь к Вам с этим заявлением, хотя даю себе отчет, что мне известна очень малая часть следственного материала, говорящая за мою невиновность. Но я не могу ждать пока познакомлюсь с ним, ибо, как мне говорят товарищи, ведущие следствие, процесс приближается и Ваше вмешательство может опоздать.

1. Конструкция обвинений и факты.

Обвинение сводится к утверждениям, что: 1/ я вернулся в партию как двурушник для продолжения подрывной троцкистской работы против политики руководства, 2/ что моя шестилетняя публичная работа в защиту линии партии была маскировкой, прикрывающей троцкистскую работу, 3/ что совместно с Зиновьевым, Каменевым, Смирновым, Мрачковским, Пятаковым и т.д. я примкнул в 1932 году к террористическому блоку, 4/ дал согласие стать членом запасного центра троцкистов в случае провала первого, 5/ вел с 1932 года сам террористическую организационную работу и 6/ знал о готовящихся покушениях против вождей партии, в частности тов. Кирова.

Все эти утверждения представляют сплошную и фантастическую ложь, полную непреодолимых противоречий. Тот факт, что ложь эту повторяет десяток людей, не делает ее правдой, а только привел к путанице, от которой следственные власти пытаются отделаться фразами, но которая для всякого человека не павшего жертвой количества показаний, есть доказательство, что показания эти не могут соответствовать действительности.

1. Характер моего разрыва с троцкизмом и Троцким явствует с громадной моей корреспонденцией в 1928-29 г.г., которую я сдал после возвращения ссылки в Институт Ленина. Эта корреспонденция, контролируемая ГПУ, показывает, что я с начала острой борьбы с кулаком /февраль 1928 года/ начал поворачивать к партии, что конфликт мой с Троцким привел меня шаг за шагом к полному идейному разрыву с троц-

кизмом, что разрыв этот был не тактического характера, а принципиального и что он завершался под влиянием тщательнейшего изучения Ленина. Что эта корреспонденция отвечала моим действительным убеждениям, а не была результатом какого то маневра, это показывает лучшим образом то конспиративное мое письмо к моей жене Р.М.РАДЕК /по части зашифрованное/, которое следственные власти нашли в каком то тайнике в моей квартире. Я не знаю происхождения этого тайника, думаю, что дело идет о месте, в котором быть может жена в 1928 году прятала секретную переписку со мной, о которой позже забыла. Но какое бы не было происхождение этого тайника, документ мне данный для расшифровки и мною расшифрован показывает, что уже тогда в ноябре 1928 года, т.е. когда разрыв мой с Троцким не был достаточным, я готов был с ним не рвать только при условии его отказа от дальнейшей борьбы с партией /см.указание в письме на мою статью: "Надо додумать до конца"/.

Тайник, который мне был пред"явлен 18/19 сентября как доказательство моей вины заговорил в пользу искренности моего поворота к партии.

Как этот поворот оценивали троцкисты, об этом свидетельствует секретное письмо СОЛНЦЕВА, ближайшего сотрудника Троцкого, перехваченное ГПУ в 1929 г. и перепечатанное в книге тов.ЯРОСЛАВСКОГО: "У последней черты", где мое заявление и отход от оппозиции квалифицируется как измена. Если одновременные нападения Троцкого на месте могут в свете неслыханного двурушничества его возбуж-

дать подозрения, то секретное письмо СОЛНЦЕВА /к РАКОВСКОМУ, если не ошибаюсь/ не допускает никаких сомнений, что враг считал мой отход разрывом /"измена"/.

2. Попытка представить мою шестилетнюю борьбу за генеральную линию партии, как маскировку, как двурушничество—является необходимой предпосылкой для обвинения меня в принадлежности к террористическому блоку. Ибо, если эта публичная деятельность была искренней, то я не мог быть членом террористической организации. Поэтому пункт этот заслуживает особенного внимания.

Убийство тов. Кирова под прикрытием партбилета, измена всех почти поголовно вожаков оппозиции, несмотря на многократные их заверения в верности партии, являются таким чудовищным фактом, что не приходится удивляться, если люди видят во всяком шаге б. троцкиста, говорящем в его пользу, двурушничество, но это не устраняет обязанности подойти к вопросу о двурушничестве и условиям применения этой тактики конкретнее.

Наиболее легко применять эту тактику администраторам, хозяйственникам. Они выполняют данные им поручения из кабинета и если они работают энергично и усердно, то трудно им посмотреть в душу. Ведь профессор РАМЗИН, который и теперь вряд-ли наш человек, работает очень энергично.

Двурушничество на фронте идеологическом вообще труднее. Ведь тут надо защищать систему мыслей, а не просто повторять формулы, лозунги. Но и это возможно, если двурушник выступает очень редко, если он может всякую свою статью или речь тщательно подготовить, выгладить, све-

рить с партийными документами. И то ему редко удается достигнуть цели. Каменев и Зиновьев очень искусные литераторы и политики. Они были очень осторожны, выступали на актуальные темы очень редко и несмотря на это даже те их статьи, в которых не было очевидных ошибок, никого не убеждали: от них веяло искусственностью. Партия чувствовала, что они сделаны.

Моя публицистическая и агитаторская деятельность, в которой я высказывался на все актуальные темы /коллективизация, индустриализация, ударничество, стахановское движение, подневольный труд, догнать перегнать, троцкизм, внешняя политика/ была ежедневной. Редкая статья, где я мог позволить себе роскошь, ~~под~~держать ее день в письменном столе. В большинстве случаев мне приходилось немедленно реагировать на события. По редакционному звонку писать статью, которая печаталась немедленно. Речи - даже на с"езде партии я говорил не по шпаргалке. Как же это могло случиться, что никогда у меня не было "несчастливых случаев", что я не высказывал из колеи, за исключением дискуссий о люксембургстве, где я действительно сказал неверную мысль именно потому, что чувства привязанности к Розе помешали мне додумать вопрос до конца. Как можно не оценить факта, что чутка наша масса партии, но никогда не чувствовала никакой фальши в моих выступлениях. Как наконец было возможным, что Вы товарищи, опытейшие и тончайшие политики этой фальши не чувствовали и позволяли мне пассив на самые святые для члена партии темы?

Когда я этот вопрос задал моим следователям, они отвечали: Талант! Но это не ответ. Ал.ТОЛСТОЙ не менее талантливый как ШОЛОХОВ, но ТОЛСТОЙ не мог написать "Поднятой целины", потому что он не понимал и не чувствовал всего величия коллективизации. Я не намерен отказываться от литературного таланта. Но он в бою за идеи не может привиться без убежденности. Я никогда не мог писать, если мне тема не лежала. И товарищи по редакции знали: если меня тема не привлекает, то я не в состоянии писать. Никто не скажет, что статьи мои на внутренние и партийные темы были бездарные. Это были лучшие мои статьи, ибо в них выражалась вся моя глубокая убежденность в правильности партийной линии партийного руководства.

Никаких колебаний у меня на этот счет с момента возвращения в партию не было. Все противоположные утверждения есть простая выдумка. В период наиболее трудный /1931-1932г.г./ который видно многих бывших оппозиционеров выбросил снова из рельс, я видел все затруднения, но считал, что можно их преодолеть только усилением борьбы за партийную линию, а не сворачиванием из нее.

Так сам безоговорочно я был солидарен с внешней политикой партии, об"единяющей роли обороноспособности страны с использованием противоречий в лагере империализма.

Что касается нашей коминтерновской политики, то я давал себе отчет в том, что на данном этапе главное звено, которое надо вытянуть, есть строительство социализма в СССР, требующее мира. По об"ективным причинам надо было дать вызреть процессам изживания социал-демократических

иллюзий у большинства западно-европейских рабочих, пока созреет обстановка для новых великих боев пролетариата. Применение тактики единого фронта и народного фронта - где это позволяли условия - в борьбе с фашистской опасностью было мною воспринято с величайшей радостью.

Что касается внутрипартийной политики, то я считаю так, что для проведения пятилетки нужна дисциплина еще более жесткая, чем раньше. Всякий подкоп под единство партии со стороны правых, троцкистов или леваков считал преступлением против интересов пролетариата. Я видел как рост его силы, накопление им громадного нового опыта создает условия для развертывания не только партийной, но /при укреплении колхозов и т.д./ и советской демократии. В самокритике, в громадном росте культуры в массах я видел рост этой доподлинной партийной и советской демократии в отличии от "демократии" состоящей в свободе болтовне интеллигентской верхушки, постоянной дискуссией стремящейся подорвать основы советской силы, что могло принести пользу только нашим врагам.

Будучи согласен с линией партии я с легкостью выносил те неприятности, временами и унижения, которые мне приходилось вынести благодаря недружелюбию некоторых товарищей из Коминтерна и Культпропа. Помощь, оказываемая мне Политбюро, особенно тов. Сталиным, показывала мне, что партия не мстила за старые ошибки, а дает мне возможность в растущей мере применять свои силы. Особенно в последний год, включение меня в Комиссию по выработке кон-

ститутции, по учебникам, выдвижение в Академию Наук, доверие мне ответственной работы на историческом фронте - все это усилило мое убеждение, что смогу еще принести партии много пользы.

Таким образом не было ни идейных, ни личных причин, которые могли бы вызвать колебания во мне, и тем более толкнуть меня на путь страшнейшего преступления, на путь участия в террористическом заговоре против руководителей партии и правительства.

3. Утверждение о моей принадлежности к террористическому блоку есть провокация. Раньше чем показать ее источники я должен разобрать те "доводы" моей вины, которые мне сообщены следственными властями.

Главное обвинение состоит в том, что я будучи в контрреволюционной связи с МРАЧОВСКИМ с 1930 г., согласился войти в запасный центр террористического блока, возникшего в 1932 г.

Что такое запасный центр? КАМЕНЕВ дал в своей речи от 21/IX точное определение этого понятия. Это центр, который должен был заменить первый центр в случае его ареста. МРАЧОВСКИЙ в своем показании от 13/14-III сказал конкретно, что я должен был его заменить в случае ареста. Из этого вытекает, что первой обязанностью члена запасного центра было до ареста старого центра вести себя абсолютно конспиративно, не принимать участия в работе террористов до момента ареста человека, которого "запасный" должен был заменить. Поэтому КАМЕНЕВ и говорит о СОКОЛЬНИКОВЕ, как о строго законспирированном. Значит таким и я должен

был быть, но следственные власти, обвиняющие меня в том, что я был членом запасного центра одновременно выдвигают против меня обвинение / на основе показаний ПРИГОЖИНА /, 1/ что я находился в личной связи с ТРОЦКИМ /якобы через Ромма/, установленной мною 1932г., 2/ что я поручил ПРИГОЖИНУ в 1932 году создать террористическую группу в Ленинграде и в 1934 г. в Москве, 3/ что я в 1933г. по организационным делам троцкистов сносился с КОКТЮБИНСКИМ в Харькове, 4/ наконец, что в том же 1933 г. я в Харькове давал поручения ШМИДТУ разворачивать работу в Красной армии.

Я в дальнейшем дам оценку показаниям ПРИГОЖИНА и ШМИДТА с точки их конкретной. Тут мне достаточно указать только на кричащее противоречие обвинения меня в том, что я был строго законспирированным членом запасного центра, не входящим в первый центр именно для того, чтобы заменить МРАЧКОВСКОГО в случае его ареста и обвинения в том, что я занимался террористически - организационной актуальной, оперативной работой перед арестом МРАЧКОВСКОГО, т.е., что я выполнял функции члена первого центра. Или, или: или я был членом первого центра, или членом запасного центра - по обвинению.

Обвинять меня в одном и другом, это противоречит рассудку. Следственные власти вошли на этот путь, ибо в противном случае им остается или об"явить вруном Каменева и Мрачковского, свидетелей, от показаний которых началось дело, или об"явить врунами Пригожина и Шмидта цен-

ных тем, что они живы и дают показания о прямой моей руководящей организационной деятельности.

Правда в том, что я не был ни членом первого, ни запасного центра. Это показывает мое поведение. Я еще в письме к тов. Сталину от 20/УШ назвал целый ряд бывших троцкистов, которые навещали меня. Это были не только тогдашние мои приятели СМИЛГА, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, САХНОВСКАЯ, с которыми я дружил с 1918г., но и близкие знакомые с времен оппозиции: БЛИСКАВИЦКИЙ и Робинзон АЛЬСКИЙ, заходили несколько раз и менее близкие: ДРЕЙЦЕР, ШМИДТ, ОХОТНИКОВ, ПРИГОЖИН. Некоторые из них заходили на старую квартиру /Остоженка, 1/, где могли на лестнице встретить учраспреда ЦК тов. ЕЖОВА; некоторые заходили и на новую квартиру в Доме Правительства, где есть контроль над посетителями и где в том же самом под"езде живет тов. ПАУКЕР. Я спрашиваю: если я имел чтонибудь скрывать, если я знал чтонибудь о существовании террористической организации, то как я мог при неповрежденном уме принимать этих людей у себя. Тем более как я мог это делать, если я знал, что они принадлежали к террористической организации? Ведь это означало, что я рискую более чем МРАЧКОВСКИЙ и могу провалить раньше его, ибо я был у всех на виду?

Мало того, я не только принимал у себя этих людей, не скрывал, что они ходят ко мне, но я за некоторых из них открыто заступался. Я вспоминаю следующие случаи: 1/ я попросил ЦКК вызвать меня при разборе дела АЛЬСКОГО и был вызван, 2/ Летом 1933 года я писал тов. Сталину в

защиту ПРЕОБРАЖЕНСКОГО и в этом письме высказывал убеждение, что арестованные одновременно с ним БЛИСКАВИЦКИЙ Робинзон, Гаевский, Лев Бронштейн тоже невинны, 3/ В 1935 году я обратился с письмом к тов. ВОРОШИЛОВУ в защиту М.САХНОВСКОЙ, 4/ В 1936 году обратился с письмом к тов. ЕЖОВУ в защиту А.БАБАЯН.

Подумайте, может-ли человек, знающий о себе, что он участник террористической организации обращать прямо внимание партийных руководителей на то, что у него интимное отношение с рядом арестованных или подозреваемых в троцкистской деятельности?

Мое действие можно об"яснить только двумя образами: 1/ или я человек сверхестественной легкомысленности, не ведавший что делаю, 2/ или я так мог действовать ибо не считал перечисленных лиц контрреволюционерами и сам ни к какой контрреволюционной организации не принадлежал.

Первое предположение явно смехотворное. Я имею за собой года конспиративной деятельности и никогда не проваливался по собственной вине. Кроме того, как можно одновременно допускать, что я 6 лет обманывал ЦК, работая под его непосредственным руководством, у всех на виду и допускать, что я поступал как грудной ребенок.

Остается только одно: я чувствовал себя невинным перед партией, считал перечисленных людей честными партийцами, ничего не знал о существовании террористической организации и их принадлежности к ней.

Мое отношение к троцкизму и троцкистам выражалось не только в публицистической и агитационной деятельности.

В 1930 г. извещен БЛЮМКИНЫМ о его связи с ТРОЦКИМ, я требовал от него немедленного обращения к тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ. В 1931 г., узнав, что Рафаил САХНОВСКИЙ не хочет расшифровать заметок в записной книге, взятых у него в 1928 г., требовал этого от него решительнейшим образом, как исполнения долга перед партией (свидетелем этого была его жена М. САХНОВСКАЯ, кроме того он хотя и враг, наверно это подтвердит). В 1933 г. я узнав о террористических разговорах зиновьевца КАРАПЕТОВА с БАБАЯН, послал ее немедленно в ГПУ, известив предварительно тов. СТАЛИНА и МЕНЖИНСКОГО. Против никчемных оговоров ПРИГОЖИНЫХ, ШМИДТОВ и т.д. насчет моих, якобы, антипартийных высказываний, я могу привести свидетелей, которые хотя находятся в руках ГПУ, - уверен, подтвердят, что я всегда защищал в частных разговорах партийную линию. Я их называю: БЛИСКАВИЦКИЙ, РОБИНЗОН, СМИЛГА, САХНОВСКИЙ, Лев БРОНШТЕЙН; из находящихся в заключении: САХНОВСКАЯ, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, БАБАЯН, которые были на свободе в момент моего ареста. Кто скажет - это троцкисты, они не скажут правды, тем я отвечаю: такое утверждение означает: кто говорит против РАДЕКА, тот говорит правду. Кто же не говорит о нем плохо, тот врет. Но это означает: возможны свидетели только против обвиняемого!

Но можно сказать: что-же, с одним вы говорили открыто, как контрреволюционер, перед другими, хотя и троцкистами в прошлом, вы говорили как партиец. Но тогда остается невыясненным, почему я скрывал свое лицо перед серьезными и близкими мне людьми, а выявлял его в разговоре с гаером и балагуром

ШМИДТОМ, которого видел 4 раза в жизни, и ПРИГОЖИНЫМ, которого не мог считать чем другим, как шкурником.

Все это показывает, из каких противоречий составлено обвинение. Но я еще постараюсь разобрать его по частям, разбирая известные мне конкретные показания и их авторов.

Перехожу к главным обвиняемым.

а) СОКОЛЬНИКОВ. С 26 г. мы находились во враждебных отношениях из-за его требования, чтобы ребенок от первой его жены Ф.М. СОКОЛЬНИКОВОЙ не носил его фамилии. Так как он обратился ко мне за посредничеством, я назвал его поступок, вызванный капризами его третьей жены Галины СЕРЕБРЯКОВОЙ, не коммунистическим и подлым. В 1933 мы через тов. СТОМОНЯКОВА восстановили деловые отношения, ибо он должен был меня информировать по японским делам. Они свелись (отношения) к 2-3 телефонным разговорам. Ни один раз я не заходил к нему в НКВД, хотя это была бы самая простая, не обращающая внимания форма сношений, если мы должны были работать совместно в запасном центре.

Утверждение его, что он был у меня летом 1935 г. в "Известиях" есть ложь. С ПЯТАКОВЫМ он жил в одном доме на ул. Грановского. Встречал его или мог встречать в Совнаркоме. Конспиративно было нелепостью устанавливать отношения с троцкистами через меня, а не через ПЯТАКОВА, если я и П. были членами 2 центра. Это было тоже организационной нелепостью, ибо я не организатор, а ПЯТАКОВ организатор. Наконец, он утверждал, что связь установил через ТУМАНОВА, с которым у меня шапочное знакомство. Запрошенный мною, не боялся ли он обра-

тить внимания на себя, посещая меня в "Известиях", он сказал, что нет, ибо он был еще председателем Монгольской Комиссии. Если он как председатель Монгольской Комиссии мог свободно ходить ко мне в "Известия", то зачем ему было посредничество ТУМАНОВА. Почему просто не позвонил мне по вертушке, что хочет меня встретить по монгольским делам.

Встает вопрос, откуда СОКОЛЬНИКОВ знает мой кабинет. Допускаю, что он как замнарком иностр. дел был когда-нибудь в 1933/4 г. в "Известиях", когда меня не было, чтобы сдать какую статью по яп. делам, прочесть корректуру. (В "Известиях" в это время появился ряд статей по рыболовным и другим делам, которых я не писал). Идея, что я мог ему назначить свидание в "Известиях" и потому фантастична, что кабинет мой выходил прямо на коридор и люди с отдела, когда я заходил в редакцию, - а заходил редко, - бегали постоянно. Зачем заходил? Чтобы сговориться со мной, что не надо встречаться, что всякий член центра должен работать самостоятельно. Но ведь я его не искал? Таким образом, все его прихождение ко мне могло иметь один смысл: если мы бы установили, как поддерживать связь без взаимных посещений, но этого СОКОЛЬНИКОВ не утверждает. Таким образом, его утверждение есть голословная, неправдоподобная ложь.

б) ПУТНА. Видел его 1-2 раза в период 1925 г., раз в 1931 г. (информировал меня о герм. армии) и в 1936 г., когда ТУХАЧЕВСКИЙ его послал ко мне за нр. "Дейли Телеграф". При этой случайной встрече - он признает, что она была случайной и продолжалась 20 минут, - я, якобы, запросил его о состоянии работы военной группы и требовал ее активизации. Но ПУТНА дол-

жен был признать, что я его допрашивал о состоянии британской армии - тоже о брит. армии сказал П. На деле весь разговор касался британской армии и положения нашего полпредства в Англии (я тогда прочел книгу ГОЛОВИНА о брит. вооружениях и проверял у ПУТНА содержащуюся в ней информацию).

Я спрашиваю: как мог я с ним говорить об англ. армии, если хотел его использовать для такой вещи, как терр. активизация военной группы? Кроме того, как такие две темы уместились в 20 минут. Наконец, зачем мне состоящему, якобы, в центре и живущему в Москве, информироваться о терр. акте у человека, приехавшего из Лондона. Если же я хотел передать какие инструкции военному центру или получить через ПУТНА от него информацию, то почему я не условился с ним о новом свидании и почему он больше ко мне не заходил?

в) ТИВЕЛЬ. Факт, что я в мае 1932 года на заседании ПБ высказался против предложения СТЕЦКОГО назначить своим заместителем ТИВЕЛЯ и добился назначения тов. БОРОВИЧА. Факт, что предложил его по заместительству для установления контакта с бюро т. СТАСОВОЙ. Факт, что до ухода БОРОВИЧА он был в В.М.Д. на чисто-технических ролях. Хотя я знал его с 1918 г., как знают сотни других технических работников наших аппаратов, ТИВЕЛЬ не утверждает, что я знал его по фракционной работе. Факт, наконец, что я знал по чистке 1933 г., что он человек без всякого партийного прошлого. Как же я мог такому человеку, никогда и ничем мною не испробованному с точки зрения хотя бы только характера, довериться с кондачка в 1935 г. и предложить ему терр. работу?

Эта фантастическая сказка продолжается. Я даю ему 3 месяца времени раздумывать, после он мне дает принципиальное согласие, чтобы через 3 месяца снова известили меня о счастливой своей находке: он связался с ЗАКСОМ-ГЛАДНЕВЫМ, которого я в 1919 году выгнал с герм. работы, как полного истерика.

Создав такую серьезную тер. группу под руководством моего заместителя, т.е. человека, провал которого меня бесконечно бы скомпрометировал, я начинаю бегать от т. АГРАНОВА к ЕЖОВУ, от т. ЕЖОВА к ЯГОДЕ с просьбой дайте мне другого заместителя, ибо ТИВЕЛЬ мне неизвестен как партиз, будит во мне беспокойство. Следователи и тов. ЕЖОВ говорят, что это была хитрость на случай провала. Хорошая хитрость толкнуть человека на террор и бегать в ПТУ, указывая на него пальцем. Такая хитрость могла ведь иметь последствием арест и выдачу меня с головой ТИВЕЛЕМ. Но кроме того факт, что узнав о том, что тов. БОРТНОВСКИЙ член П.Б. польской К.П., хочет уходить с польской работы, я попросил его бывшую жену, секретаря Б.М.П. привести его ко мне, чтобы получить его согласие на работу в качестве моего секретаря. (Он старый работник Чека и Разведупра и я был убежден, что если он согласится, то можно будет заполучить его от ЦК). БОРТНОВСКИЙ отклонил мое предложение, заявляя, что он так изнервничался на конспиративной работе, что не хочет теперь никакой секретной работы. В доказательство, что мое стремление избавиться от ТИВЕЛЯ было только маневром, направленным на то, чтобы я мог сослаться позже на мое недоверие к ТИВЕЛЮ, секретарь ЦК тов. ЕЖОВ

220
167

приводит факт, мною не отрицаемый, а именно, что я сам ТИВЕЛЮ говорил о предложении моем назначить нового заместителя зав. Б.М.П. Я говорил это и ТИВЕЛЮ и всем другим сотрудникам, ибо ТИВЕЛЬ имел хорошие связи и в Управлении Делами ЦК и среди сотрудников Секретариата ЦК. Он узнал бы об этом во всяком случае, начал бы клаязы. Я предпочитал воспользоваться фактом, что пост зам. зава был чисто организаторский и отнимая много времени, не давал ТИВЕЛЮ возможности удовлетворения его литературных вожделений. Для облегчения себе операции я говорил ему: освободитесь сначала от зам-завских забот, потом от редакторства переводов, садитесь за важнейший реферат об британском империализме и возьмитесь серьезно за литературную работу. На деле я стремился к тому, чтобы за-получить нового зава, который отыскал 1-2 хороших редакторов переводов (это не легкое дело) и дал мне возможность освободиться от ТИВЕЛЯ.

Я ничего не знаю о террористической деятельности ТИВЕЛЯ, к которой, якобы, я его толкнул. Но СОКОЛЬНИКОВ на очной ставке со мною сказал, что он был с ТИВЕЛЕМ связан и что ТИВЕЛЬ ему летом 1935 г. докладывал о своей работе. Как давно они были связаны, как ТИВЕЛЬ к нему попал в 1935 г., вот тут может быть разгадка, не у меня.

г) ПРИГОЖИН работал в Кит. университете, был троцкистом очень ярым, очень кружился вокруг меня, хотя отталкивал меня крикливостью и склопничеством. К руководящей группе троцкистских красных проф. (СОИНЦЕВ, В.ЭДИН, ДИНГЕЛЬТЕД) он не принадлежал. Когда пришел момент уплаты по векселям и нас исклю-

чали из партии, ПР. хотя подписал все документы оппозиции, каким то мне неизвестным образом остался в партии. Это возбудило насчет его в ссылке у одних подозрения, у других просто чувство недоверия к нему, как шкурнику.

Такие чувства и я имел, когда его в 1929 или 1930 г., после возвращения из ссылки увидел, но ясно, что не мог гнать в шею человека за то, что не пошел в ссылку. Принял я его холодно, но он использовал люксембургскую дискуссию, чтобы тереться вокруг меня. Он бегал в Культпроп и сам по собственной инициативе информировал меня об отношении тов. РАВИЧЕВА, СТЕЦКОГО к моему выступлению. Когда приезжал из Ленинграда, всегда звонил, я его резко принимал. Он снова пытался меня купить то сплетнями о том, что тов. КИРОВ хорошо ко мне относится, то что плохо. Я не придавал этому никакого значения, ибо откуда он мог знать это все. Но я видел, что он взялся серьезно за научную работу: книга его о марксовом учении об соц. эк. формациях и работа в Гос. Ак. Мат. Культуры показали его научный рост и поэтому в конце 1933 и начале 1934 г. я его принял 2-3 раза, ориентировался в работе института. Вот мои отношения с ПРИГОЖИНЫМ.

Утверждения его о том, что я вернувшись с Женевы летом 1932 г. его информировал о налажении мною (через РОММА) связи с Троцким, о том, что я привез терр. директиву от Троцкого, о восстановлении блока, о подготавливаемых покушениях на тов. СТАЛИНА и КИРОВА - представляют чистейшую фантазию. 1) Если я был членом запасного центра, то я не мог всего этого говорить, ибо должен был свою роль до времени и перед троцки-

стами прятать. 2) Ни в коем случае, даже если я доверял Пр. - я не мог ему говорить через кого идет связь с Троцким, если таковую я установил. Такие вещи я мог бы, как член центра сказать только 1-2 членам центра, чтобы связь сохранилась на случай моего ареста. 3) Зачем было Пр. осведомлять о подготовке покушения на тов. КИРОВА и СТАЛИНА. Ведь Пр. к этим покушениям не привлекался и по его утверждению получил указания организовать самостоятельную терр. группу. Таким образом, даже если я бы был террористом, то все, что рассказывает ПРИГ. было бы сплошным анекдотом.

Что касается его утверждения, что я ему поручил организацию особой группы в Ленинграде для убийства тов. КИРОВА, то я могу сказать следующее:

1) я не знаю создавал ли Пр. какие то терр. группы (ни о составе и работе пригожинской, ни тивелевской группы мне следственные власти ничего конкретного не говорили, хотя я якобы главный организатор этих групп), как ничего мне не было известно вообще о терр. склонностях ПРИГОЖИНА. Иначе, как объяснить факт, что я узнав от приемного сына моего, Витольда ГЛИНСКОГО, работающего в Ленинграде, что он живет у ПРИГОЖИНА (поселился он там понятно без моего ведома) под тем или другим предлогом не вывел его из этого положения, не помог ему добыть квартиру, а оставил дело своему течению. Ведь в случае ареста ПРИГОЖИНА и ГЛИНСКОГО (б. троцкист) попадал в подозрение и через него я сам.

ПРИГОЖИН рассказывает, что в половине 1934 года он получил назначение в Москву и я дал ему тогда поручение совмест-

но с ФРИДЛЯНДОМ организовать тер. группу в Москве для покушения на тов.СТАЛИНА. Я заявляю, что никогда ПР. не извещал меня о своем переводе в Москву, что ни от кого я об этом переводе до следствия не слышал и поскольку мне известно ПРИГОЖИН жил до момента своего ареста в Ленинграде. Имел ли он какую контрреволюционную связь с ФРИДЛЯНДОМ мне тоже неизвестно.

д) ФРИДЛЯНДА я знаю только как историка. В период 1928-29 г.г. никогда не слышал от троцкистских красных профессоров, что ФРИДЛЯНД троцкист. Никогда его не встречал на троцкистских собраниях. Встретил его на ист. дискуссии в Инст. Кр.Профессуры, кажется в 1930 г., он одолжил у меня ГУ т. КУНОВА ист.хоз., я заказал у него статью о вредительстве во Франц. революции во время процесса вредителей. После он тяжело болел и я встретил его снова только в 1935 или в начале 1936 г. в связи с работой по учебникам истории. Он был у меня с ЛУКИНЫМ и ЕФИМОВЫМ (соавторами учебников) два или три раза на заседании, в котором принимал участие и тов.ВЫСТРИНСКИЙ. Раз был у меня один: принес мне докладную записку о бедственном положении истфака. Я раз выступал на истфаке и осматривал это учреждение.

После многочасового заседания в Ученом Комитете ЦИК, я изголодавшись, предложил ему пойти обедать в грузинский подвал напротив Телеграфа на Тверской. Припомнив, что ТИВЕЦЬ должен в 3 ч. принести мне на дом рукопись доклада Б.М.П., я позвонил ему, чтобы пришел в грузинский ресторан. (Позвонил из кабинета ГОРИНА в присутствии людей). Утверждение одного

из следователей, что я свел ТИВЕЛЯ и ФРИДЛЯНДА для каких-то контрреволюционных целей отпадает по той простой причине, что как признал ТИВЕЛЬ, они были знакомы. Но оставляя в стороне это обстоятельство, указывая на факт, что грузинский ресторанчик представляет собою длинный и узкий подвал, в котором у стен находятся два ряда столов и в середине ряд. Теснота, постоянное присутствие официантов (меня особенно любезно обслуживали) делает всякий секретный разговор исключенным.

Я не знаю показаний ТИВЕЛЯ и ФРИДЛЯНДА в полном объеме. Мне сообщено только, что я вел "контрреволюционный" разговор, обвиняя тов. СТАЛИНА в том, что зная ошибки ПОКРОВСКОГО, он выступал против него только в 1936 г., ибо ПОКРОВСКИЙ боролся против Троцкого. Это не очень значительная сплетня настолько показательна, что стоит ее разобрать. Я не помню точно говорили ли мы за обедом о школе ПОКРОВСКОГО, но это могло быть, ибо мы с ФРИДЛЯНДОМ возвращались с заседания, связанного с учебниками и пособиями по истории. Если шла речь об отношении тов. СТАЛИНА к школе ПОКРОВСКОГО, то она сводилась к тому, что ДУБРОВСКИЙ имеет письмо (или копию письма) тов. СТАЛИНА с 1920 г., в котором тов. СТАЛИН критически говорил о ПОКРОВСКОМ, что выступление тов. СТАЛИНА по вопросу о торговом капитале в Китае в 1929 г. дает уничтожающую критику концепций ПОКРОВСКОГО, что наконец правильная позиция, занятая ПОКРОВСКИМ против Троцкого в вопросе о характере русского государства, не могла не отсрочить борьбу с ошибками ПОКРОВСКОГО, ибо опасность троцкизма неизмеримо больше опасностей ошибок ПОКРОВСКОГО.

Только это я мог говорить, так я говорил и в своем докладе в Истфаке (на котором присутствовал ФРИДЛАНД), так я говорил в докладе на курсах областных редакторов (на котором присутствовал ТИФЕЛЬ), так писал в "Большевике". Я это говорил, ибо везде на докладах получал записки с вопросом, почему только теперь критикуем ПОКРОВСКОГО и все понимали, что мои слова доказывают теоретическую дальновзоркость тов.СТАЛИНА. Злость об"единена с глупостью, нужна для того, чтобы придать моим словам смысл, направленный против тов.СТАЛИНА.

Не зная показаний ФРИДЛАНДА в полном их об"еме, не могу ничего больше о них сказать. Заявляю еще раз, что с ФРИДЛАНДОМ не вел никаких контрреволюционных разговоров и что ничего не знаю о его террористической деятельности.

Что касается показаний ПЯТАКОВА и СЕРЕБРЯКОВА, то мне сообщено только, что они признали себя членами террористического центра и что ПЯТАКОВ в показании от 26-27 октября заявил, что КАМЕНЕВ летом 1932 г., называя состав запасного центра, называет и мою фамилию. Только когда познакомлюсь с показаниями СЕРЕБРЯКОВА и ПЯТАКОВА, касающимися меня, смогу на них ответить.

Тут могу только сказать. С ПЯТАКОВЫМ частным образом встречался 1930 и 1931 г. После видел его только на конференциях, с"ездах и кажется раз на многолюдной вечеринке у ФУШМАНА. СЕРЕБРЯКОВА видел несколько раз в 1930 г., когда мы были соседями и в 1933 году, встретив его в большом обществе на Николиной Горе. Ничего мне неизвестно об их контрреволюционной деятельности, об их принадлежности к террори-

стической организации. Никогда они не делали никакого намека в разговоре со мной, что меня считают членом такой организации или сочувствующим ей.

Думаю, что я ответил на известные мне показания о моей личной контрреволюционной деятельности, за исключением тех, которые бросают свет на возникновение этой провокации. К ним теперь приступаю.

II. Провокация С.В.Мрачковского и ее последствия.

Показания МРАЧКОВСКОГО от I3-I4/УШ о том, что он назначил меня (видно с моего согласия) членом запасного центра себе в замену, очевидно не первое показание, указывающее следственным органам на мнимое мое участие в центре террористов. Факты. Уже мое отстранение от работы в "Известиях", происшедшее II/УШ, показывает, что кто другой дал именно в эти дни перед II/УШ порочащее меня показание, которое МРАЧКОВСКИЙ подтвердил I3-I4/УШ. Но ясно из всего положения, что МРАЧКОВСКИЙ есть источник легенды о моем участии в запасном центре. Понять, зачем МРАЧКОВСКИЙ создал эту легенду, это получить в руки нить для распутания целого клубка противоречий, иначе не об"яснить. Дело не идет просто о злостной лжи, дело идет о провокации, навязанной МРАЧКОВСКОМУ положением, в котором он находился, когда решился возобновить борьбу против партии.

Зиновьев и Каменев видно сохранили связь на весь основной кадр зиновьевцев. I) Троцкистская часть оппозиции раскололась в 1929 г. на три части. Ортодоксальные троцкисты, перманентщики остались в свалке, скоро были - наиболее решительные - переведены в изоляторы. Их пришлось скинуть со счета.

2) Группа СМІРНОВА-МРАЧКОВСКОГО решила вернуться в партию, когда летом 1929 г. я прорвал фронт ссылки. Она в большинстве своем состояла из людей, поколебленных в доверии к Троцкому, но непродумавших фальшивости основ троцкизма, не отбросивших их, не продумавших до конца основ политики партии. Часть их возвращалась в партию просто потому, что потеряла всякую перспективу и не видела смысла оставаться в ссылке, часть - с мыслью о будущей борьбе против партии в ее рядах. Поэтому группа МРАЧКОВСКОГО-СМІРНОВА при первых крупных экономических затруднениях активизировалась. Но это была малочисленная группа. Заявление ПРЕОБРАЖЕНСКОГО-РАДЕНА-СМИЛГИ подписало значительно больше ссыльных, в том числе люди так влиятельные, как ДРЕЙЦЕР, АЛЬСКИЙ. Кроме того МРАЧКОВСКИЙ давал себе полностью отчет, что он и СМІРНОВ не пользуются никаким серьезным авторитетом как политики. СМІРНОВА ценили как человека, МРАЧКОВСКОГО как солдата. Если в прошлом они имели авторитет, то их борьба против возвращения в партию и подание заявления после того, как фронт был прорван мною, показало, что у них линии никакой нет. Заменить отсутствующий свой авторитет авторитетом Троцкого было трудно, ибо, во-первых, они против его указаний, а кроме того он был далеко, б. оппозиционеры были отрезаны от его воздействия.

Таким образом, МРАЧКОВСКОМУ пришлось обратиться и к тем б. троцкистам, которые пошли за мною и попытаться узнать, не разочаровался ли я в своей политической линии, состоящей в полно-добросовестном выполнении директив партии. Это объясняет, почему МРАЧКОВСКИЙ пытается всегда повидаться со мной, когда он в Москве. Но он действует очень осторожно. Он знает

дело БЛЮМКИНА, он знает наверно от Рафаила САХНОВСКОГО, работающего у него в Сибири, как я настаивал на его обязанности расшифровать старые троцкистские аферы. Поэтому он в разговорах со мною не только не сбрасывает маски, но даже не поднимает ее ни на сантиметр. Он поддакивает моим партийным установкам, ожидая быть может, что одного дня я заговорю другим языком и тогда можно меня будет втянуть в контрреволюционную организацию. Но не раскрывая карт по отношению ко мне, он начинает действовать среди людей, которые при расколе троцкизма пошли за мною. Заметив у одного или другого колебания, он опутывает их и сообщает им, что я тоже стою за борьбу с партией.

И тут приходим к очень важному моменту. Можно сказать: да ведь это догадки или увертки. Как вы, РАДЕК, докажете их. Да это догадки. Но я обращаю внимание на то, что без этой догадки нельзя никаким образом объяснить ряда фактов, установленных следствием. ДРЕЙЦЕР показывает, что знал о моем участии в запасном центре от МРАЧКОВСКОГО. ТЕР-ВАГАНЯН заявляет, что знал об этом от МРАЧКОВСКОГО. ДРЕЙЦЕР бывал до 1932 г. у меня и знал, что когда позвонит мне, я его приму. Почему ДРЕЙЦЕР не зашел поговорить со мною о так страшном решении, как решение вступить на путь террора. Почему ТЕР-ВАГАНЯН, который относился ко мне исключительно тепло и который встречал меня перед первым своим арестом, не пытается ни один раз встретить меня после возвращения из ссылки и узнать мои взгляды на террор тактику. Очевидно, что МРАЧКОВСКИЙ вступив на путь провокаций по отношению ко мне и назвав им меня членом цент-

ра, боялся, что если они заговорят со мной, как с членом центра, вся провокация будет обнаружена. Поэтому он очевидно сказал им: РАДЕК член запасного центра, строго законспирирован, избегайте встречи с ним. Никто не должен знать этого, поэтому не проговоритесь, что знаете, а то он поднимет историю, что болтаем. Но так МРАЧКОВСКИЙ не мог орудовать по отношению к КАМЕНЕВУ и ЗИНОВЬЕВУ. Им - членам центра - он не мог сказать: притворяйтесь перед РАДЕКОМ, что не знаете, что он член запасного центра. Какая может быть конспирация между членами центра. Им он очевидно должен был сказать, что это провокация в целях привлечения людей, ориентирующихся по мне.

Я не знаю играл ли МРАЧКОВСКИЙ и КАМЕНЕВ в открытые карты с ПЯТАКОВЫМ. Налицо два факта: 1) П. избегал встреч со мной и ни один раз не дал мне понять, что он меня считает членом какого-то центра. 2) В своих показаниях говорит постоянно обо мне из чужих слов, не беря таким образом на свою совесть утверждения, что он из разговора со мной знает о том, что я член центра.

Но никакому сомнению не подлежит факт, что СОКОЛЬНИКОВ получил от КАМЕНЕВА сведения о провокации и указания как держаться. Для меня доказательством этого является факт, что он выдумав свое посещение меня летом 1936 г., передал эту свою выдумку ПЯТАКОВУ, как факт. Но следствие не верит моему показанию, что СОКОЛЬНИКОВ не имел свидания со мной в "Известиях" летом 1935 г. Хорошо. Тогда пусть следственные власти объяснят разумно следующий факт. ПЯТАКОВ и я были

друзьями с 1915 г. Встречались открыто 1930-31 г., почему мы не могли встречаться открыто в 1935 и 1936 г.? С СОКОЛЬНИКОВЫМ я находился во враждебных отношениях 1926-1933 г. и с того времени только в деловых. Но не ПЯТАКОВ берет на себя поддержание связи со мною и СОКОЛЬНИКОВЫМ, а СОКОЛЬНИКОВ берет на себя связь между ПЯТАКОВЫМ и мною. Он это делает, чтобы не допустить раскрытия провокации, которая могла фатально подействовать и на ПЯТАКОВА и СЕРЕБРЯКОВА и привести к вскрытию всей организации.

Когда КАМЕНЕВ называет меня на следствии членом запасного центра (он это делал наверно перед МРАЧКОВСКИМ) он делает это по простым причинам: он выдает запасный центр, чтобы доказать свое искреннее раскаяние: авось не расстреляют. Он знал, что следственные власти начнут других допрашивать насчет этого списка. Но другим КАМЕНЕВ и МРАЧКОВСКИЙ в провокаторских целях меня называли как члена центра. Эти же люди (ТЕР-ВАГАНЯН и ДРЕЙЦЕР) наверно скажут, что слышали. Тогда возникнет для КАМЕНЕВА опасность, что власти подумают, что он многое скрывает. Для МРАЧКОВСКОГО было наверно решающим, что не хотел публично признаться в обмане своих ближайших товарищей. И наконец, какое им было до этого дело, что погибнет человек, искренно порвавший с оппозицией?

Вот картина провокаций МРАЧКОВСКОГО, продолженной СОКОЛЬНИКОВЫМ. Последствия же ее - ясны. Следственные власти не имели никакого повода не верить этим показаниям. Почему один из лидеров бывшей троцкистской оппозиции должен быть выше подозрений. Наоборот, вот Секретарь ЦК тов. ЕЖОВ сказал мне откровенно на следствии, что он давно мне не доверял и стре-

мился к распуску Б.М.П., а тут КАМЕНЕВ, МРАЧКОВСКИЙ, ВАГАНЯ ДРЕЙЦЕР свидетельствуют о моей вине. Следственные власти свято в эту вину поверили и всякого нового арестованного допрашивали на этот счет. Я бы допустил, что эти арестованные могли слышать провокационные слухи, пущенные в ход МРАЧКОВСКИМ, КАМЕНЕВЫМ и ошибаются добросовестно. Но так как СОКОЛЬНИКОВ, ТИВЕЛЬ, ПРИГОЖИН, ПУТНА просто врут, выдумывают разговоры и встречи со мною, то ясно, что тут дело не в легкомысленном повторении провокационного слуха, а в борьбе за жизнь.

На следствии мне говорили (говорил мне это и тов. ЕЖОВ и следователи): преступления ваши страшны. Но партия не мстит. Скажите все, вскройте все, ваша искренность есть единственный шанс спасения. Кто может подумать, чтобы какой то никчемный ТИВЕЛЬ, без рода и племени или Ноздрев - ПРИГОЖИН не использовали старого фракционного или делового знакомства со мною, чтобы уличенные в преступлениях, не свалили вину их на меня и не показать "искренность" за мой счет. Ведь этому поверят, а отрицать мое участие это рисковать, что следственные власти скажут: вы признаете свою вину, потому, что она доказана, но вы выгораживаете своих вождей, чтобы остались руководители для терр. актов.

Таким путем мог действительно от ДРЕЙЦЕРА слышать о мне как о члене запасного центра. Это облегчило ему взять на свою совесть вранье о разговоре со мною. Ты вождь и отказываешься от ответственности, вот тебе!

О СОКОЛЬНИКОВЕ нечего говорить после картины его провокационной роли. Добавлю только, что облегчила ему эту роль глубокая неприязнь, которую чувствовал ко мне.

В результате провокации МРАЧКОВСКОГО, продолженной СОКОЛЬНИКОВЫМ и ее решающего влияния на следователей, следствие зашло в тупик. Оно нагромодило вокруг меня цепь доказательств, которые подавляют количеством, но полны неустранимых противоречий. От этих противоречий никто, критически изучающий материалы следствия, не может абстрагироваться. Даже если бы я на процессе молчал, белые нити и дыры следственного материала не могут быть скрыты. Мое сопротивление только остервеняет следователей, которые видят в нем нежелание врага разоружиться.

Я знаю, какую тяжелую ответственность за безопасность республики несут следователи и далек от того, чтобы искать в их действиях чего-нибудь другого, кроме партийных мотивов. Но это не меняет факта, что я невинный в преступлениях, мне в вину вменяемых и что ни одно из моих указаний на противоречия следствия не удостоживается ни малейшего внимания. Следственные власти не могут уже иначе на дело посмотреть. Они сделают все, чтобы меня обломать и заставить признать вину, а когда это не удастся пойдут на процесс со всеми кричащими противоречиями в моем деле.

Помочь может только ПБ. Я знаю, как должны были подействовать на Вас следственные материалы. Я знаю, что почти нет надежды на то, чтобы Вы поручили товарищам, не принявшим до этого времени участия в деле, пересмотреть его под углом

зрения: а может РАДЕК не виновен. Но я будучи невиновен, исполняю не только долг перед собою, защищаю свою революционную честь, даже если это уничтожает последний шанс на спасение моей жизни, я выполняю долг перед партией, борясь против роковой для меня судебной ошибки.

Мне говорили, что я выступаю как защитник Троцкого и террористической банды. Это неверно: показать, как эта банда вступив на путь террора против вождей партии, готова провокацией подводить под пулю бывших оппозиционеров, порвавших честно с ней, не означает защищать Троцкого и террористическую банду.

Если будет совершена эта судебная ошибка и я погибну, то моя кровь падет на голову Троцкого. Подлая работа террористов создала почву для этой судебной ошибки, но я считаю своим долгом обратиться к Вам с мольбой: сделайте все для избежания этой ошибки, ибо она не принесет чести советскому правосудию и кроме того моя голова могла бы еще пригодиться.

Карл РАДЕК.

16/XI. Вн. тюрьма.

В е р н о:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР УАО ГУТБ/

Голанский
(ГОЛАНСКИЙ)